

Наука в контексте культуры

А. Ю. АНДРЕЕВ

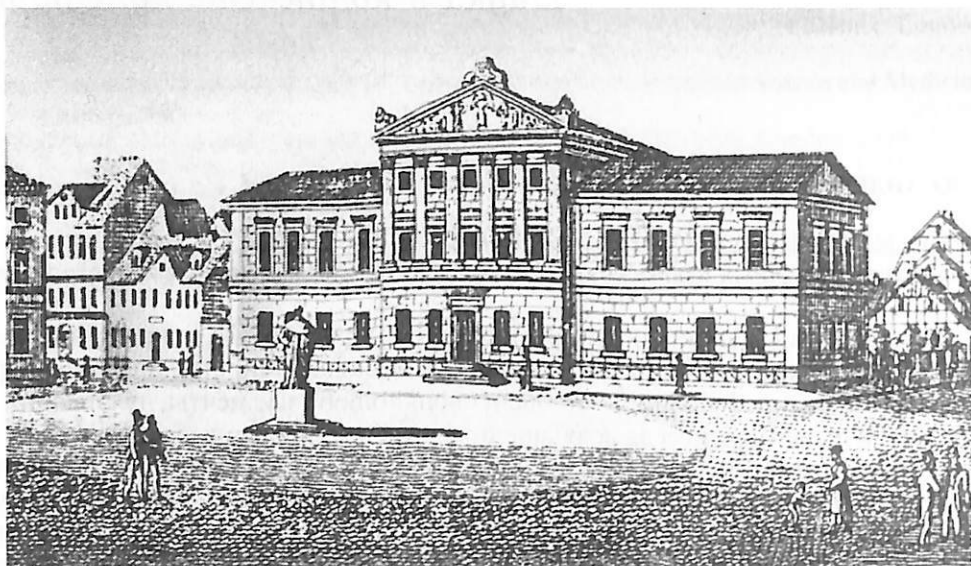
«ГЕТТИНГЕНСКАЯ ДУША» МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (Из истории научных взаимосвязей Москвы и Геттингена в начале XIX столетия)

Легкая рука Пушкина подарила русской литературе XIX в. представление о «геттингенской душе». Мы помним, какие «плоды учености» привез из Германии Владимир Ленский, — то были «вольнлюбивые мечты, дух пылкий и довольно странный, всегда возвышенная речь и кудри черные до плеч».

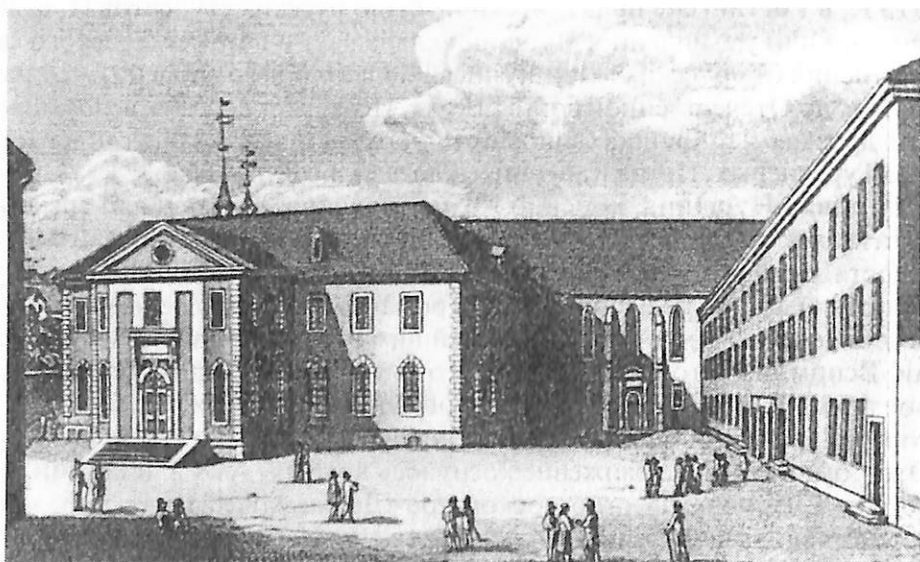
Пушкинский образ, слегка ироничный, имеет, однако, вполне конкретный смысл. Он указывает на Геттингенский университет — один из источников европейского свободомыслия и его выпускников, среди которых были и друзья поэта. В то же время мы встречаемся здесь с забавным анахронизмом. Согласно внутреннему времени романа в стихах (по словам Пушкина, «расчисленному по календарю»), прибытие Ленского из Германии относится к 1820 г. Однако в этом году, как во все предыдущие начиная с 1813 г., в Геттингене практически не было русских студентов [1, с. 204]. Невольно или умышленно, Пушкин вкладывает в портрет Ленского свои впечатления от «русских геттингенцев» более раннего времени — от начала XIX в. до Отечественной войны 1812 г. Поэт, скорее всего, вспоминает о своих друзьях-наставниках лицейской поры — братьях Александре и Николае Тургеневых, Петре Каверине, Александре Куницыне.

Обмолвка Пушкина, конечно же, не случайна. «Туманная Германия» в читательском сознании немедленно ассоциировалась с романтизмом, с представлением о «прекрасной душе» (*Schöne Seele*), описанию которой поэт посвящает последующие строки романа. В свою очередь, романтическое движение в Германии было теснейшим образом связано с университетами. Вспомним, что и самая яркая его фигура — Фридрих Шиллер некоторое время был профессором Йенского университета, и на лекции его по истории Европы собирались толпы студентов.

Это романтическое движение коснулось в начале XIX в. и России. Так, историкам хорошо известно московское «Дружеское литературное общество», объединившее юных поклонников Шиллера и сыгравшее важную роль в истории нашей литературы (см., например, [2]). Но гораздо шире влияния чисто литературного было воздействие, которое оказывал Геттингенский университет и ученая Германия в целом на складывание русской науки, на возникновение особого научного мировоззрения, заимствованного из Европы и не присущего прежде отечественной культуре, но давшего щедрые всходы уже в первой половине XIX в.

Новый корпус Геттингенского университета. 30-е гг. XIX в. С немецкой гравюры.

Внутренний двор и залы ученых заседаний (слева) Геттингенского университета. С немецкой гравюры начала XIX в.

Библиотека Геттингенского университета. Интерьер. С немецкой гравюры XVIII в.

Первым проводником этого влияния был Московский университет. К сожалению, в историографии российской науки проблема московско-геттингенских научных связей разработана недостаточно, и еще менее раскрыты те новые научные веяния, которые благодаря этим связям переходили на русскую почву и существенно влияли на развитие отечественной культурной среды. Восполнить отчасти этот пробел и призвано наше исследование «геттингенской души», поселившейся в начале XIX в. в самом центре древней России.

Университет и эпоха Просвещения

Восемнадцатое столетие преобразило жизнь немецких университетов. Внешне это было особенно заметно по тому, насколько возросли популярность и доступность университетского образования в Германии, ставшего привлекательным для людей всех сословий и состояний, от графа Священной Римской империи до простого бюргера. Казалось, что раздробленный на множество мелких княжеств и лишенный какой-либо политической власти немецкий народ воплощал свои силы в области человеческого духа и разума, сделавшись «народом мыслителей и поэтов».

Веру в несокрушимую мощь человеческого разума несла эпоха Просвещения. В противоположность Франции, где философы-просветители в основном блистали в светских салонах и гостиных, а их высказывания носили отпечаток политического фрондерства, на немецкой почве идеи Просвещения утверждались в неразрывной связи с образованием и наукой, из-

лагались с университетских кафедр, о них спорили до хрипоты на студенческих диспутах. Быть мыслителем, ученым и быть университетским профессором — по немецкой традиции, истоки которой мы видим еще со времен Реформации, означало одно и то же.

Однако застывшие формы средневекового университета не могли вместить динамичную картину познания новой эпохи. Поэтому развитие Просвещения неизбежно вело к созданию «своего» университета, образ которого, практически не претерпев серьезных изменений, сохранился до сегодняшнего дня. Символично, что именно два крупнейших немецких философа начала XVIII в. — Христиан Вольф и Вильгельм Лейбниц — стояли

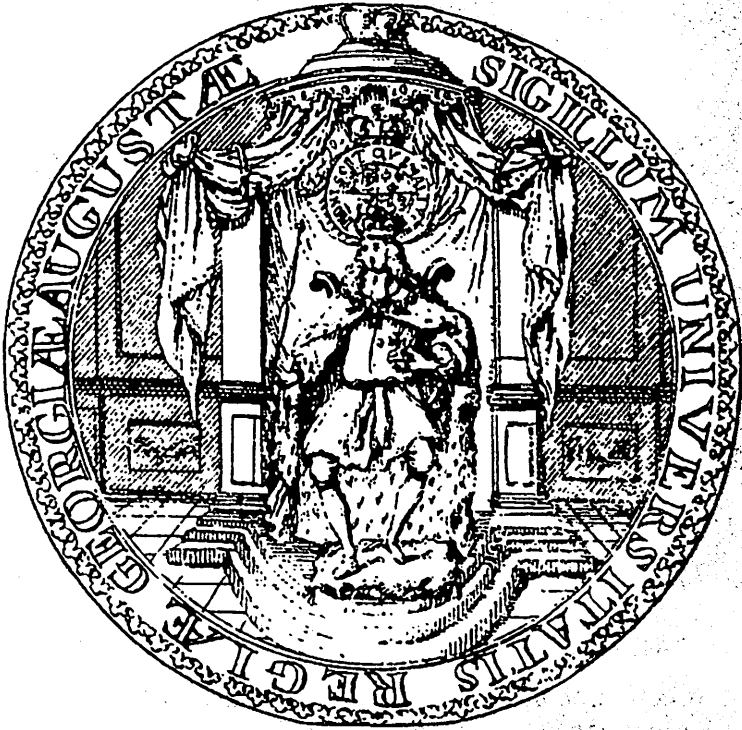
у истоков первых образцов современного университета, которые возникли соответственно в Галле и Геттингене.

С другой стороны, внутренний смысл преобразований, происходивших в немецких университетах, не сводился к изменению только лишь форм преподавания. Рождался не просто современный университет, но и новая немецкая модель развития науки. В отличие, например, от научного процесса в Англии, где большую роль могли играть «кабинетные» ученые, находившиеся в более или менее тесных отношениях с одним или несколькими учеными обществами, или во Франции, которая в послереволюционное время приняла техническую систему об-

*Читатели в библиотеке Геттингенского университета.
С немецкой гравюры XVIII в.*

разования, подчинив науку нуждам развития государства, в Германии к концу XVIII в. сложился принцип единства научного исследования и преподавания внутри самостоятельного, хотя и пользующегося государственной поддержкой, но свободного от давления внешних сил, самоуправляющегося университета. Немецкая наука лишена одностороннего внимания к сфере теории или практики, но всегда направлена на свободный научный поиск. Если при схоластическом обучении предполагалось, что истина уже дана, а задача преподавателя — лишь передать ее в неискаженном виде,

Герб Геттингенского университета

то новый университетский профессор исходит из мысли, что истину можно и должно искать, и его цель — побудить слушателей к этому, сделать их равноправными участниками процесса познания. Свобода в науке понимается прежде всего как свобода излагать свои мысли с кафедры, выбрать предмет обучения и направление научного исследования согласно своим интересам, для чего вместо прежнего жесткого контроля и регламентации утверждается приоритет живого, неравнодушного общения профессоров и студентов. Принцип «трех свобод» — преподавания, обучения и исследования — лежит в основе статуса университетских корпораций Нового времени.

Именно немецкую модель университетской науки принимает в XVIII в. и Россия. Причину этого легко объяснить давностью и прочностью ее научных контактов с Германией (вспомним, что и сама необходимость развития науки, и ее польза для государства утвердились в сознании Петра I после бесед с Лейбницем). Учившийся в Марбурге у Х. Вольфа Ломоносов, представляя план для учреждения первого русского университета, имел перед глазами как образец именно немецкий тип высшего учебного заведения. Просвещенный И. И. Шувалов, переписывавшийся со многими светилами европейского ученого мира, приложил все усилия, чтобы пригласить

Московский университет. 1800-е гг. Акварель школы Ф. Я. Алексеева

в Москву достойных профессоров, способных заложить прочный фундамент для будущего расцвета науки в Москве.

Однако к концу XVIII столетия в российскую университетскую жизнь приходит кризис, наступление которого легко можно было предугадать. Проблема заключалась в отсутствии общественного статуса науки. Чуть позже ее хорошо выразил Карамзин, говоря, что «в Лейпциге, в Геттингене надобно профессору только стать на кафедру — зал наполнится слушателями», у нас же в России «выгоды ученого состояния так еще новы, что отцы не вдруг еще решатся готовить детей своих для оногo» [3, с. 66].

Для того чтобы немецкая научная модель могла на первоначально чуждой ей русской почве преобразоваться в собственную, русскую научную традицию, нужен был двоякий процесс, затрагивавший как верхи, так и низы системы народного образования. С одной стороны, должен был утвердиться авторитет самого звания ученого-профессора, и прежде всего правительственными мерами, через включение ученых степеней во всеобщую российскую лестницу чинов и званий. С другой стороны, необходима была структура начального и среднего образования, способная выпускать слушателей, подготовленных к восприятию лекций. Положение студента должно было приобрести привлекательность в глазах «отцов». Надо было, наконец, продемонстрировать ценность и пользу самого предмета науки, научного познания.

Ни одна из этих задач не была решена в годы правления Екатерины II. Только качественное изменение отношения к науке в обществе делало воз-

возможным сознательный выбор молодыми людьми ученой карьеры, без чего воспроизводство университетской традиции исключено. Это хорошо показывает опыт первого поколения собственно русских профессоров Московского университета, воспитанных в 1770–1780 гг.: в их взглядах на свою специальность, за редкими исключениями, преобладал чисто ремесленный подход; выходцы из среды разночинцев, они за жалование «служили в профессорах» — так же, как и их собратья по происхождению, чиновники из казенных мест. Стоило только правительству на время потерять интерес к высшему образованию, как это было в царствование Павла I, — и уровень университета начал стремительно падать [4].

Выход из кризиса лежал в новом обращении России за помощью к родственной в научном плане Германии. Однако по сравнению со временем основания Московского университета такое обращение происходит на ином историческом фоне, возбуждающем интерес немецких ученых к России, делающем возможным реальное и плодотворное взаимодействие двух научных культур. В качестве основного партнера России на этой стадии университетских преобразований, происходивших в начале XIX в., выступил Геттингенский университет.

Детище барона Мюнхгаузена

На юге Нижней Саксонии, окруженная зелеными отрогами таинственного Гарца, лежит прекрасная и обильная дарами природы долина, которой суждено было с середины XVIII столетия стать приютом ученых и школяров, стекавшихся сюда со всего света. Городок Геттинген в ее центре невелик, всего лишь из трех больших улиц, пересеченных под прямым углом тремя или четырьмя такими же широкими улицами по правильному плану, типичному для немецких городов, отстраивавшихся на заре Нового времени. Городок омывался с двух сторон водами реки Лейне, в которых, как подозревали, содержались минеральные вещества. Пившие эту воду жители отличались здоровьем и долголетием. Их жизнь была тесно связана с нуждами разноязыкой студенческой братии, не без пользы для самих жителей и для украшения города. Наблюдатель начала XIX в. замечал, что почти все дома в городе новые и специально предназначены для сдачи студентам в наем комнат различного размера и комфортабельности (включая и роскошные апартаменты, где во время учебы жили английские принцы). Вокруг города шла невысокая стена, давно утратившая оборонительное значение и ставшая излюбленным местом прогулок молодежи. Главным же украшением не только Геттингена, но и всей округи были замечательные сады (среди них и большой ботанический сад университета), простиравшиеся по долине, пронизанные нитями каналов и бассейнами, с пышными растениями, привезенными сюда со всех концов земли. В пору цветения их аромат по вечерам буквально наполнял весь город.

С середины XVII в. Геттинген входил во владения ганноверских курфюрстов, а к тому времени, о котором мы ведем рассказ, за их династией

Рыночная площадь в Геттингене. С немецкой гравюры начала XIX в.

Городская стена в Геттингене — излюбленное место прогулок профессоров и студентов. С немецкой гравюры начала XIX в.

закрепился и английский королевский трон. Вступивший на престол в 1727 г. король Англии и курфюрст Ганновера Георг II ознаменовал первое десятилетие своего правления величайшим благодеянием. В 1734 г. он утвердил устав, привилегии и штат, а 17 сентября 1737 г. произвел торжественную инаугурацию нового университета, прославившего не только Ганновер, но и всю Германию. Университетский проект восходил еще к великому Лейбницу, который представил его отцу курфюрста, но воплощение проекта целиком является заслугой замечательного немецкого просветителя и покровителя науки барона Герлаха Адольфа фон Мюнхгаузена (не путать с его известным современником и однофамильцем, прославленным литературным героем, бароном Карлом Фридрихом Иеронимом).

Разработанный Мюнхгаузеном устав Геттингенского университета наилучшим образом отвечал принципам эпохи Просвещения, о которых мы говорили выше. На первое место среди них барон ставил терпимость и взаимное уважение ученых, золотую *libertas philosophandi* — свободу научного поиска. Сохраняя в качестве куратора университета высшую надзирающую власть, он помогал налаживать ученую жизнь, занимался приглашением профессоров, стремясь к укреплению самостоятельности университетской корпорации. В свою очередь, Георг II, возведенный в почетную должность «великого ректора», не отказывал университету в материальной помощи. Труд профессоров щедро оплачивался, а денежный поток из Англии позволял приобретать лучшее учебное оборудование и формировать библиотеку, которая уже через несколько десятилетий представляла собой уникальное, если не лучшее в Германии, университетское книжное собрание. Можно также отметить и закрепленный в уставе светский характер университета: хотя, следуя традиции, в Геттингене существовал богословский факультет, он не занимал,

Барон Герлах Адольф фон Мюнхгаузен,
куратор Геттингенского университета

как это полагалось, главенствующего положения, уступая его философскому, а также был лишен права цензуры.

Вследствие таких благоприятных для развития науки обстоятельств Геттингенский университет быстро достиг европейской славы. В XVIII в. здесь преподавали такие знаменитые ученые, как физиолог Галлер, географ Бюшинг, астроном Майер, физик Лихтенберг, филологи Гесснер и Гейне, историк Шлецер, юрист Пюттер (последний был не только родоначальником современного государственного права, но и первым «летописцем» Геттингенского университета). В 1751 г. было основано Геттингенское научное общество — закрытое собрание ученых, выпускавшее научные труды и объявлявшее конкурсные задачи, авторитет которого скоро сравнился с авторитетом ведущих европейских академий.

Иоганн Маттиас Гесснер

и российские дворяне. С другой стороны, славу университета поддерживали его собственные выпускники, которые разъезжались по всему ученому миру. Попадали они и в Россию.

Первые встречи

Так уж сложилось, что в Московском университете геттингенцы появились почти с самого его основания и не покидали его в течение 75 лет! За это время в университете преподавали 9 профессоров из Геттингена — больше, чем из любого другого города Германии. Последний — Фердинанд

Рейсс — покинул кафедру только в 1832 г., успев удостоиться нескольких столь же нелестных, сколь и несправедливых строк от А. И. Герцена в его знаменитых воспоминаниях «Былое и думы» [5, с. 115].

Трое геттингенцев начали свое преподавание в Москве в XVIII в. Все они значительно различались по складу характеров, взглядам на свое ремесло, и реальный вклад, который они внесли в преподавание и развитие университета, также был неодинаков.

Открыл эту славную череду выпускников Геттингена прибывший в 1757 г. в Москву Иоганн Иоахим Рост. Его пригласили для преподавания английского языка, но вскоре из-за нехватки профессоров он занял кафедры физики и математики, читая одновременно прикладную математику или механику, военную и гражданскую архитектуру, геодезию, артиллерию, гидравлику и гидротехнику, астрономию, физику и географию. Такая эрудиция делала бы честь воспитавшему его университету, если бы качество преподавания Роста не вызывало частых нареканий: профессор прикладывал много усилий в совершенно иной области и сколотил себе изрядный капитал на торговых операциях; вообще же он занимал достойное место среди московских чудачков, слывя героем множества забавных историй. При всем этом многолетнее (до 1791 г.) преподавание Роста в Москве не может не вызвать у нас уважения.

Гораздо более теплую память оставил по себе другой геттингенец, Бернгард Андреас (Иван Андреевич) Гейм. Гейм приехал в Россию в 1779 г., в качестве домашнего учителя семьи Лопухиных. В 1781 г. он поступил на службу в Московский университет, где прошел путь от скромного преподавателя немецкого языка до профессора,

Иван Андреевич Гейм. С гравюры 20-х гг XIX в.

любимого и уважаемого несколькими поколениями студентов. Фигура Гейма долгое время олицетворяла живую связь между двумя высшими учебными заведениями: среди его друзей в Геттингене оставались извест-

ные профессора А. Л. Шлецер и Х. Г. Гейне, между ними не прекращалась переписка, и многие последующие контакты Москвы и Геттингена завязываются через посредничество Гейма*. За долгое время, проведенное в России, Гейм «обрусел», и не только по языку и привычкам, но и благодаря характеру своей работы: более тридцати лет он был профессором истории, статистики и географии Российского государства, из них последние тринадцать лет в должности ректора университета. Россия действительно стала второй родиной ученого, что он доказал самоотверженным поведением во время спасения руководимого им университета в 1812 г. [6, с. 56].

К сожалению, карьера третьего геттингенца сложилась трагически. Иоганн Вильгельм Мельманн был вызван в университет в 1786 г., когда здесь возникла необходимость в замещении профессора древних языков. В выборе новой кандидатуры принимал участие выдающийся геттингенский антиковед, профессор Гейне. По отзывам современников,

Мельманн был настоящий немецкий молодой ученый, преданный своим занятиям, жил одиноко, большей частью был молчалив и углублен в себя, знал свой кабинет, конференцию и классы, других развлечений не искал и не любил (7, с. 46).

Однако этот представитель наиболее чистого типа западного ученого, с которым столкнулось тогда русское образование, пострадал из-за единственного своего неосторожного разговора в атмосфере сгущающейся неприязни и подозрения к науке, вскоре после событий Французской революции. Молодой приверженец идей Канта слишком упорно настаивал на всеобщности применения его философского критического метода, в том числе и в вопросах религии, за что немедленно поплатился исключением из университета. В январе 1795 г. он должен был покинуть Россию и в дороге, недалеко от Кенигсберга, «в глубочайшей меланхолии» застрелился.

Здесь уместно сказать, что уже первые российские контакты с Геттингеном вскоре стали обоюдными. Наши студенты, хоть нерегулярно, но посещали Геттинген в течение XVIII в. Начало этому положил упоминавшийся выше знаменитый историк Август Людвиг Шлецер (1735–1809). Семь лет он находился на службе в Петербурге в должности адъюнкта Академии наук и, возвращаясь в 1765 г. в Геттинген, взял с собой четырех академических студентов [1, с. 197]. Погруженный в изучение русской истории и готовивший первое комментированное издание «Повести временных лет», Шлецер был неизменным центром притяжения всех русских, попадавших в XVIII в. в Геттингенский университет. Самым известным из них был, пожалуй, Максим Иванович Невзоров, друг и помощник Новикова, геттингенский студент 1780-х гг. Вернувшись в Россию и пережив время гонений на мартинистов, Невзоров сохранил близость к Московскому университету (благодаря тому, что его директором с 1797 г. был назначен другой единомышленник Новикова — Иван Петрович Тургенев), а позднее долгое время заведовал университетской типографией. Личность Невзорова, рев-

* Письма Гейне и Шлецера к И. А. Гейму хранятся в Отделе рукописей РГБ.

ностного масона, известного в Москве своим редким бескорыстием, независимыми и честными суждениями, оказывала сильное влияние на общавшихся с ним молодых людей.

В конце XVIII в. из-за жесткой политики Павла I, фактически запретившего все контакты с заграницей, возможность для развития научных связей у Московского университета на некоторое время исчезает. Однако на рубеже веков постепенно вновь складывается ситуация, благоприятная для возобновления контактов с Геттингеном. С помощью Гейма и Невзорова И. П. Тургенев вступает в переписку с Шлецером, результатом которой было, с одной стороны, приглашение в 1801 г. его сына, Христиана Августа Шлецера, в Москву для преподавания всеобщей истории и политики, а с другой — договоренность о большой образовательной поездке наших студентов в Геттингенский университет.

Август Людвиг фон Шлецер

Эта поездка открыла новый этап в общении между двумя научными центрами, а впечатления ее участников от увиденного в Германии послужили основой для восприятия Геттингена в русской культуре начала XIX в. Слегка варьируясь и уточняясь у следующих путешественников, без изменений оставалось главное — портрет университета, вобравшего в себя лучшие достижения своего времени, и окружающей его уникальной атмосферы научного творчества.

Геттинген глазами русского студента

Долгая дорога привела в 1802 г. из России в Геттинген 9 молодых людей. Пятеро из них были москвичами — особую заботу об их посылке проявил сам Иван Петрович Тургенев, включив в их число своего сына Александра и нескольких воспитанников Московского университета и Благородного пансиона. Двоих — Александра Тургенева и Андрея Кайсарова — связыва-

ла особенно тесная дружба. Участники упоминавшегося нами «Дружеского литературного общества», они грезили о Германии образами своих любимых немецких поэтов. К москвичам позже присоединились трое малороссов, выходцев из-под Могилева, и юный чиновник Фрейганг из Петербурга.

Молодых людей могли объединять не только романтические грезы. Все они получили в ходе воспитания то или иное представление об идеях Просвещения, на встречу с которыми ехали теперь. И мы не можем оставить без внимания часто затрагивающийся вопрос о влиянии Геттингенского университета на формирование либеральных взглядов воспитанников, а конкретнее (и это было основой либерализма в русских условиях того времени) — о необходимости отмены крепостного права. Из участников первой поездки сочинения и даже диссертации против системы «рабства» в России писали во время обучения Андрей Кайсаров и Вильгельм Фрейганг. Известным либералом и действительно крупной фигурой в русской общественной жизни станет Александр Иванович Тургенев. Но было бы неверно, как это иногда делали в историографии, сводить все значение пребывания наших студентов в Геттингене только к усвоению ими европейского свободомыслия. Задавшись целью осветить именно научные стороны их общения с профессорами, мы находим для этого не меньшие основания, подкрепленные солидными документальными материалами.

Основным источником сведений о жизни наших студентов в Геттингене традиционно считаются замечательные дневники и письма Александра Тургуева [8]. Помимо них в исторических трудах накоплены определенные свидетельства и о пребывании здесь его друга, рано погибшего на войне с Наполеоном, талантливого филолога, публициста и поэта, Андрея Сергеевича Кайсарова [9, 10]. Однако глубже познакомиться с учебной частью поездки, отношениями геттингенских ученых и русских студентов позволяют ранее неизвестные историкам и недавно обнаруженные нами в фондах Российской государственной библиотеки письма другого спутника Тургуева, Алексея Михайловича Гусятникова. (К сожалению, его письма в Москву к профессору И. А. Гейму являются практически единственными биографическими данными о нем, в других документах они представлены слабо.)

Бывший московский студент Алексей Гусятников приехал в Геттинген несколько раньше остальной группы москвичей, 1 июля (по новому стилю) 1802 г. В отличие от многих своих товарищей, он прибыл сюда с уже определившимися научными пристрастиями. Дело в том, что большинство молодых людей (в том числе и Тургенев с Кайсаровым), отправляясь в Германию, не имели определенной учебной программы, не ставя перед собой какой-либо ясной цели. В этом было существенное отличие поездки от образовательных путешествий XVIII в. Если прежние студенты командировались Московским университетом, который, надеясь, что по возвращении те станут профессорами, указывал им строгую программу изучаемых предметов, то наши юноши не были связаны таким обязательством, и прежде всего — благодаря своей принадлежности к дворянскому сословию. Для Александра Тургуева, например, побудительной причиной поездки была

воля батюшки, желание набраться знаний, посмотреть людей, а также прикоснуться к любимому им миру немецкого романтизма. Трое малороссиян также были отправлены на средства отца одного из них, богатого откупщика, а петербуржец Вильгельм Фрейганг следовал воле князя Куракина, в канцелярии которого он служил. Потом, впрочем, настроения юношей изменялись: атмосфера Геттингена невольно пристрастила многих к учебе, и тот же Тургенев через год начал всерьез задумываться о научной карьере.

Интерес же Гусятникова определился сразу: он приехал изучать древние языки под руководством знаменитого Гейне. В том, как объяснял Гусятников цель своих занятий, видится своего рода культурный манифест, под знаком которого происходила новая научная встреча России и западного просвещения: *мы должны иметь европейское образование, чтобы лучше понимать собственную страну*. Гусятников хочет получить классическое образование, освоить греческую словесность, но — движимый именно «уважением к своему родному языку», поскольку, как он считал, «вся первоначальная культура России произошла из греческих земель»* [11, л. 66]. Немецкие профессора, конечно, одобрили его намерения.

Как же принимают Гусятникова в ученой среде Геттингена? Письма содержат множество бытовых подробностей его обустройства в этом городке. В первый же день он нашел квартиру из двух комнат во втором этаже дома на одной из центральных улиц и трактир, где условился каждый день обедать за умеренную плату. Предоставивший комнаты владелец дома снабжал студентов сахаром, кофе и прочими необходимыми вещами и вообще «был известен как самый дешевый и услужливый купец», так что университетские профессора немало обрадовались, узнав, что Гусятников смог у него поселиться.

Едва приведя себя в порядок, наш студент отправился делать визиты. Благодаря рекомендациям, которыми снабдил юношу в Москве И. А. Гейм, его ласково приняли почти все влиятельные геттингенские профессора, и прежде всего Христиан Готтлиб Гейне.

О личности этого профессора, незаслуженно забытого в нашей историографии, необходимо сказать несколько слов. В связи с новыми веяниями в немецкой науке, о которых мы говорили, классическая филология переживала в XVIII в. свое возрождение. Была найдена новая точка зрения на обработку античных авторов, вполне соответствующая новой эстетике эпохи Просвещения. Именно Гейне вместе с его предшественником И. М. Геснером первыми поставили в своих трудах и преподавании на первый план не мертвую ученость, подражание, а живое, творческое общение с классическими писателями как высшими образцами искусства, развивающими понимание и вкус к прекрасному в литературе [12, с. 40]. Вместо лекционных толкований канонических текстов Гейне впервые ввел филологические семинары — прообраз нынешних занятий древними языками.

Известность Гейне как университетского профессора и знатока антич-

* В оригинале по-немецки. Здесь и далее все цитаты с немецкого языка приводятся в нашем переводе.

ной культуры к началу XIX в. была поистине европейской. По словам того же Гусятникова, с тех пор как Гейне избран членом Парижской академии наук, даже во Франции «разрешены вкус и пристрастие к Геттингену».

Во всех остальных науках у них самих есть знаменитые ученые, учебой у которых они пользуются, но что касается классической литературы и эстетических красот науки о древностях, то здесь и для них Гейне единственный, особенно из-за приложения его исследований к произведениям искусства, вывезенным из Италии (11, л. 169).

Как пылко замечал Александр Тургенев: «Отечество Гейне не Германия, а вся просвещенная Европа. Он гражданин мира, а не одного Геттингена» [13, с. 219].

После встреч с Гейне Гусятников оставил интересное описание его внешности:

Я нашел его, — пишет он Гейму, — довольно живым, и по крайней мере не таким безобразным, как Вы мне говорили. Может быть, это произошло потому, что я привык связывать представление о безобразии с чем-то зловещим, а в нем же напротив заметил искреннее добродушие. Особенно очень он мил, когда в своем круглом парике и белом фраке легкой походкой прохаживается сквозь ряды слушателей, собравшихся у его кафедры (11, л. 166).

Добавим к этому, что многие годы Гейне был бессменным секретарем Геттингенского ученого общества и издателем его трудов, а также служил директором университетской библиотеки (его помощником там перед отъездом в Россию был И. А. Гейм). По общему мнению, устройство этой библиотеки, как внутреннее, так и внешнее, «превзойти было невозможно», и в этом изрядная заслуга немецкого ученого.

Гейне во время учебы Гусятникова был как бы его куратором, составлял учебный план, рекомендовал профессоров. Его отношения с русским студентом были очень теплыми. Такой же отклик юноша нашел и у другого профессора, Иоганна Готтлиба Буле, с которым условился частным образом заниматься греческим языком. Буле расспрашивал его о Гейме, о жизни в Москве, а однажды повел его гулять вокруг города по валу, чтобы показать ботанический сад и прочие зеленые уголки. Вообще Гусятников «нашел в нем очень приятного человека, в высшей степени скромного, умного и предусмотрительного в разговоре». Интерес же Буле к Москве, как показали дальнейшие события, оказался далеко не праздным.

«Сочувственники России»

Наиболее любопытные, на наш взгляд, строки писем из Геттингена свидетельствуют не просто о гостеприимном отношении к русским студентам в начале XIX в., но о присутствии здесь своего рода «русской партии» профессоров, испытывавших пламенные симпатии к России и приветствовав-

ших ее уроженцев, которые приезжали сюда за европейской ученостью. Возникает естественный вопрос: в чем причины такого отношения ученых и почему оно так ярко проявлялось именно в это время?

В 1802 г., когда с подписанием «всеобщего мира» Европа наконец вздохнула свободно после десятилетия непрерывной войны, для Геттингенского университета наступила золотая пора. Сюда устремились студенты со всей Германии. Особенно много среди них было дворян: даже из таких старых университетских городов, как, например, Лейпциг, титулованные родители предпочитали посылать сыновей именно в Геттинген (Александр Тургенев вспоминал о пребывании здесь даже баварского принца). В университете было много датчан, шведов, венгров, приезжали студенты английских земель («чудаки с карманами, полными гиней»), был и один англичанин с недавно завоеванной Мальты. Приезжие французы также пользовались здесь почетом, в их число входили сыновья известных деятелей Революции (например, у Гейне учился сын исторического живописца и революционера Давида). С территории Российской Империи университет наполняли прежде всего лифляндские и курляндские бароны. (Наши студенты, хотя и дружили с ними, но предпочитали жить отдельно, своей русской колонией.)

С другой стороны, ощущения прочности мира не было. Рядом с притихшим на время хищником — наполеоновской Францией — раздробленные немецкие княжества чувствовали себя незащищенными, и неудивительно, что взоры многих обращались в сторону могучего северного соседа. Особенно привлекали их в России личность молодого императора Александра I и провозглашенная им политика либеральных реформ. Симпатии к современной России у немецких ученых сочетались при этом с интересом к изучению ее истории, природы, населения, торговли и т. д.

Самым пламенным геттингенским «поклонником» России был, конечно, Август Людвиг Шлецер. Удивительно, как долго могло бытовать в на-

Христиан Готтлиб Гейне

шей историографии совершенно несправедливое мнение о нем лишь как о ненавистнике Ломоносова и враге русских традиций, искажавшем русскую историю ради создания пресловутой «норманнской» теории! Так получилось, что именно в 1802 г. Шлецер завершает главное дело своей жизни: выходят в свет первые тома «Нестора» — прекрасно откомментированного критического издания «Повести временных лет», первого памятника российского источниковедения. Шлецер посвятил свой труд Александру I и в ответ был удостоен высочайшего рескрипта, составленного в очень лестных выражениях, и ордена. Окрыленный таким поощрением, Шлецер на своих лекциях совершенно искренне превозносил императора Александра, видя в нем продолжателя именно той просвещенной политики, которая воссоединяла Россию с другими европейскими странами. Тургенев так вспоминает об одной из его лекций:

Шлецер, говоря о ходе просвещения в Европе, упомянул и о России. Давно ли, говорил он, она начала озаряться лучами его? Давно ли Петр I сорвал завесу, закрывающую Север от южной Европы? и давно ли Елизавета, недостойная дочь его, предрассудками своими, бездейственностью угрожала снова изгнанием скромных Муз из областей своих? И теперь, напротив — какая деятельность в Государе рассаждают Науки, какое рвение в дворянах соответствовать его благодетельным намерениям! «Смотрите!» вскричал Шлецер, указывая на усаженную Русскими лавку: «вот тому доказательство!» (13, с. 234–235).

Эти высказывания Шлецера тем более льстили самолюбию наших студентов, поскольку отношение профессора к германским государствам было весьма критическим. Касаясь современных политических предметов, он часто мог остро обличать какого-нибудь немецкого властителя — корыстолюбца, предающего интересы собственного княжества ради своего обогащения. Можно сделать вывод, что Шлецера увлекала Россия именно как великая европейская держава. Сравнивая ее с наполеоновской Францией, он говорил:

Между тем, как необузданная Франция предписывает законы почти всей Европе, пусть осмелится она хоть малейшую нанести обиду всемогущей, но не употребляющей во зло своего могущества России и нарушительница всеобщего покоя претерпит должное наказание... Они одни только держат равновесие в Европе. Та и другая сильны; но могущество одной благословляют, а другой проклинают (13, с. 237).

(Опасения ученого вполне оправдались, когда летом 1803 г. французы без боя заняли ганноверские владения и Геттинген, к счастью, не нарушив жизнь университета.)

Русские студенты замечали, как особенно расцветал Шлецер в домашнем общении: о своей России профессор мог говорить часами. Семи лет, проведенных в Петербурге, ему хватило, чтобы каждого нового русского встречать словами: «Вы наполовину мой земляк!» Вскоре после знакомства с

Кристоф Мейнерс

Александр Тургеневым Шлецер прислал ему неизвестно откуда взявшуюся русскую икру, а свидетельство о прослушанных лекциях, составлявшееся обычно по-латыни в строгой форме, написал для него по-русски. Число приглашений к нему домой, полученных Тургеневым, судя по дневнику последнего, не поддается счету. Чуть реже, но также регулярно посещал Шлецера и Гусятников.

Как видно из писем, Гусятникова столь же радушно принимали и в другом доме, у профессора Кристофа Мейнерса. Как и Шлецер, Мейнерс принадлежал к высшему геттингенскому обществу, давал обеды и званые вечера, присутствием на которых Гусятников не замедлил похвастаться. И здесь он нашел искреннюю симпатию к его родной стране.

Мейнерс — также один из тех ученых, которые увлеченно изучают Россию в географическом и этнографическом отношении, — писал Гусятников в Москву. — Он проявлял величайший интерес, когда я ему рассказывал о нашем образе жизни, продовольствии, способах его подвоза, богатстве и избытке всего в России (11, л. 167).

Чувство национальной гордости, которое часто испытывали русские студенты в Геттингене, подкреплялось и упоминаниями о недавних военных успехах России. Так, профессор всеобщей истории Геерен, рассказывая о победах Суворова в Италии, назвал его «русским Ганнибалом». «Товарищи оглянулись на меня, — пишет Александр Тургенев, — русское мое сердце трепетало от радости, и я гордился именем Русского». Как и многие в Европе того времени, Геерен был страстным поклонником русского полководца: в его научной коллекции редкостей находился кошелек Суворова, бывший с ним под Измаилом, и профессор охотно демонстрировал его на лекциях студентам. В кабинете Геерена, по рассказу Тургенева, среди немногих портретов было изображение Петра I [13, с. 191, 198, 246].

Рассказ о радушном приеме, который нашли русские студенты в Геттингене, уместно закончить упоминанием события, которое поистине было достойным их ответом на гостеприимство ученых. Весной 1805 г. четверо молодых людей, среди которых были Гусятников и Кайсаров, решили от-

правиться в поездку по Южной Германии. Их маршрут лежал через Франкфурт и Нюрнберг на Мюнхен, но дорогой друзья «почли за священный долг» заехать в Кирхберг, совершая паломничество «на родину почтенного Шлецера».

Место прекрасное... — вспоминал Гусятников. — Замок лежит на прекрутом берегу реки, за которой превысокая гора отделана Английским садом. Мы туда пошли пить Шампанское и при восходе на вершину встретили хоровод прекрасных девушек. Кажется, что все обстоятельство так состроились, чтоб сей вечер сделать для нас Романическим. Возвратившись домой, мы отыскиали в городе пастора той деревушки, где Шлецеров отец был его предшественником и где Шлецер сам родился. Он нас повел к себе за город, показал нам свой старинный дом, который с тех пор еще не перестроен, и мы выписали из церковной книги отметку о рождении нашего историка (14, п. 161).

*Арнольд Герман Людвиг Геерен,
профессор всеобщей истории*

Следы этого паломничества долго сохранялись на одной из колонн дома, где их обнаружил и привел в биографии ученого его сын. То была надпись по-французски:

Здесь четверо добрых Русских пили за здоровье Шлецера, который родился в Кирхберге, вот уже шестьдесят лет тому назад, и прославлен анналами историческими, в особенности же — для Россиян (15, с. 205).

Приглашение в Москву

Посещая в 1802 г. своих геттингенских наставников, наши студенты не подозревали, что им еще предстоят новые встречи, но на этот раз в Москве.

Молодые люди покинули Отечество в пору не самую блестящую для высшего образования, однако за время их отсутствия здесь произошли

серьезные изменения. «В России заводят новые университеты», — эту поразительную новость первым объявил друзьям, кажется, сам Шлецер. Не менее удивительно было для них узнать, что многие геттингенские профессора получили из недавно образованного российского Министерства народного просвещения приглашение преподавать в Москве. Такой вызов пришел, например, к уже знакомому нам, высоко почитаемому всеми русскими студентами профессору Буле.

Гусятников сказывал мне, — взволнованно пишет Тургенев в дневнике, — что Буле получил от гр. Завадовского письмо, где он зовет его в Московский университет профессором спекулятивной Философии с весьма выгодными предложениями. Не понимаю, как Завадовский узнал о Буле. Может быть, Муравьев, по совету Батюшки, сказал о нем Завадовскому. Что если я буду причиною, что Университет наш получит такого славного Профессора? (13, с. 200).

Новый попечитель Московского университета Михаил Никитич Муравьев (поэт, обучавший юного Александра I русскому языку и истории, и в то же время отец двух будущих декабристов), упомянутый выше Тургеневым, на самом деле узнал об ученых достоинствах Буле не от девятнадцатилетнего студента, хотя и его письма, и разговоры с Иваном Петровичем Тургеневым, давним другом Муравьева, могли играть в выборе профессоров определенную роль. Деятельность Муравьева в Московском университете и предпринятые им реформы вполне сопоставимы с ролью другого просвещенного попечителя, геттингенского основателя, барона фон Мюнхгаузена, и такое сравнение легко приходило на ум современникам, называвшим эти реформы вторым основанием московского «храма науки».

После обскурантского состояния, в котором наш университет находился в конце XVIII в., ему просто необходимы были талантливые, энергичные профессора, владевшие современными научными методами, как для привлечения студентов, так и для подготовки новых русских преподавателей. Понимая это, Муравьев задумывает новый призыв иностранных ученых, перед которыми он ставит ряд требований, как то: знание основ и новейших достижений своего предмета, искусство в речи и письме, в том числе по латыни (по-прежнему остававшейся пока единственно возможным языком научного общения России и Европы), и, что немаловажно, «либеральное, образованное обхождение и нравственный характер»*.

Принципиальным был сам выбор попечителем Геттингена как главного источника приглашенных. Дело в том, что одна из центральных задач реформ Муравьева состояла в возбуждении интереса к высшему образованию в широких кругах российского дворянства. Поэтому сложившийся благодаря Мюнхгаузену дворянский характер Геттингенского университета как нельзя лучше отвечал устремлениям попечителя.

Для успеха задуманного приглашения Муравьев решил выбрать посредника из среды самих геттингенских ученых. По совету вице-куратора

* Письма Муравьева к Мейнерсу, хранящиеся в Геттингене, опубликованы в [16].

*Михаил Никитич Муравьев,
попечитель Московского университета*

Дерптского университета барона Унгерн-Штернберга попечитель обратился к Кристофу Мейнерсу, тому самому гостеприимному профессору и «сочувственнику России», которого, как мы помним, навещал Гусятников и который был известен далеко за пределами Геттингена благодаря своим книгам по эстетике и теории изящных искусств, а также знаменитой «Истории немецких университетов» [17]. Последняя книга, в которой Мейнерс подробно раскрывал принципы организации и задачи университетов с точки зрения эпохи Просвещения, значительно повлияла на содержание реформ Муравьева.

Мейнерс добровольно согласился взять на себя основную часть переговоров. По его словам, он готов был «отдать все силы ради того, что-

бы улучшить ученые учреждения и распространить полезные знания в столь великой империи». В одном из первых писем Муравьев писал профессору:

Московский университет, особенное попечение о котором поручил мне Его Величество, будет обязан Вам своим возрождением. В нем были с момента основания в 1755 г. несколько хороших профессоров, которые привнесли в него из немецких университетов просвещение и превосходные методы преподавания. Их труды были плодотворными. Множество молодых людей получили здесь полезные знания. Наша литература приобрела от этого свои выгоды. Но из-за особых обстоятельств, в результате несовершенной организации, первые успехи были остановлены. Потери, понесенные университетом, не восстанавливались, на их место всходили посредственности. Все эти злоупотребления сейчас устраняют... Нам остается только желать надежного проводника, чтобы вызвать из-за границы подходящих людей для распространения Просвещения (16, с. 58).

Из обширной переписки Мейнерса с Муравьевым мы узнаем о непросто-м ходе переговоров с немецкими профессорами, выдвигаемых ими условиях, среди которых были: возможность в любой момент беспрепятственно покинуть Россию, выплата пенсий их семьям, деньги на переезд и пр. По представлениям Муравьева Московский университет заранее включил в свой состав несколько десятков (!) ученых из Германии, надеясь на их прибытие — это позволило бы тем, кто действительно приедет, сразу же получить накопившееся жалованье и использовать деньги для устройства в Москве. Однако многие профессора отклоняли предложения, а бывало, что и достигнутая уже договоренность срывалась в последний момент, прибытие же иных затягивалось на несколько лет. Тем не менее успех приглашения немецких профессоров в Россию был официально зафиксирован — «Геттингенские ученые ведомости» в 1804 г. поместили об этом заметку, где, в частности, говорилось:

Нашему Отечеству делает честь приглашение такого количества немецких ученых; еще более почетно то, что наша родина может отдать столько подающих надежды или уже заслуженных ученых, без особого ущерба для своего образования (18, с. 689).

Впрочем, неправильно было бы думать, что рекомендации Мейнерса были единственными источниками сведений Муравьева о геттингенских ученых. Многие подробности о жизни германских университетов попечитель мог узнать из писем студентов, обучающихся в Геттингене, и здесь Александр Тургенев недалек от истины. Так, например, в 1803 г. другой студент из России, упомянутый нами Вильгельм Фрейганг прислал Н. М. Карамзину для опубликования в «Вестнике Европы» большую статью, посвященную Геттингенскому университету. В ней он давал характеристики всем его профессорам, в том числе и приглашенным в Россию [19, с. 180]. Кроме того, почти все ученые, выбранные Муравьевым, имели опубликованные труды, и попечитель мог непосредственно оценить их научные возможности.

Среди приглашенных геттингенцев были подлинные энтузиасты, искренне желавшие распространять ученость, в высоком смысле «просвещать» Россию. Едва получив предложение Муравьева и самым первым дав на него положительный ответ, этой идеей загорелся профессор всеобщей статистики Гейнрих Грелльман. Своим энтузиазмом он заразил первоначально колебавшихся товарищей Буле и Гофмана и убедил их отправиться вместе в Москву*. Тургенев с восторгом писал домой:

Никому я так не рад, как Грелльману, потому что он вместе с большой ученостью и с дарованием соединяет и благородный характер. Он хочет совершенно посвятить себя России, выучиться по-русски и написать жизнь Петра Великого. Но что более служит к похвале его, есть то, что он едет в Россию не в намерении обо-

* Действительно, Буле сперва отклонил приглашение и лишь после его повторения дал согласие, также долго колебался и Гофман — см. [16, с. 54–80].

гатиться там, но точно из любви к своей Науке и желая принести ей и России пользу (13, с. 133).

Грелльман действительно ехал в Москву с обширными планами научной работы, но не мог предвидеть, что преждевременная смерть, в самом начале семестра, когда он едва успел прочитать несколько лекций, не даст им осуществиться [20, с. 120].

Особый интерес питал Муравьев к работам профессора Буле, одного из ведущих геттингенских ученых, товарища Грелльмана, Шлецера, Геерена. Иоганн Теофил Буле вырос в семье придворного хирурга Брауншвейгского герцога, получил прекрасное воспитание в придворном гимназическом Коллегиуме, с 16 лет писал стихи, в 19 лет опубликовал свою первую научную статью. Молодому человеку с превосходными манерами, умом и талантом доверили обучение юных принцев Англии и Ганновера. (М. Н. Муравьев мог найти здесь параллель со своей биографией.) Но больше, чем придворная жизнь, молодого Буле привлекали наука и литература. Он изучал труды античных философов и классиков Нового времени. В период некоторого упадка интереса к античности своими исследованиями он стремился к его возрождению: в результате многолетней работы Буле опубликовал полное собрание сочинений Аристотеля. С 1787 г. он на полтора десятилетия становится профессором философии в Геттингене, активно издает научные работы, участвует в различных журналах. Здесь из-под его пера выходит получивший широкую известность у современников курс истории философии. Опыт Буле и его научные интересы как нельзя лучше соответствовали желаниям Муравьева ввести широкое изучение античного наследия в России, развить у московской читающей публики художественный и научный вкус.

Буле не сразу согласился на приглашение Муравьева, но, прибыв в Москву, стал одним из самых активных его помощников. Настроения Буле в это время хорошо выражает письмо, посланное им Мейнерсу вскоре после приезда в Москву, в конце 1804 г.:

Когда я сравню свое нынешнее положение с геттингенским, то мне кажется, что до сих пор я был связан по рукам и ногам. Теперь чувствую я себя свободно. Каждую неделю подвигаемся мы вперед, и от того, что мы делаем, иногда даже и от одного письма, зависят в будущем большие свершения этой великой нации (16, с. 84).

Действительно, его деятельность в Москве поражает насыщенностью и разнообразием. Занимая сразу две университетские кафедры, Буле читал лекции по истории философии, естественному праву, философским системам Канта, Фихте и Шеллинга, логике и опытной психологии на нравственно-политическом отделении; по истории и теории изящных искусств, греческой и римской литературе на словесном отделении. В 1807 г. он начал издавать «Журнал изящных искусств», где мы находим как статьи по истории искусства, так и теоретические работы, например, обосновываю-

щие восприятие в искусстве исторических сюжетов сквозь призму античности, характерное для русского ампира (статья о проекте памятника Минину и Пожарскому работы Мартоса).

К особым заслугам Буле перед русской наукой следует отнести выпуск им в течение трех лет еженедельной газеты «Московские ученые ведомости» — первого научного периодического издания в Москве. Требование о непременном выходе такой газеты попечитель Муравьев хотел даже внести в университетский устав, записав в нем, что «при университете издаются два раза в неделю ученые ведомости, содержащие рассмотрение всех новых книг и отправлений почты как в наших, так и в чужих краях» [21, л. 12]. Первый номер вышел 7 января 1805 г. Образцом для создания газеты послужили имевшие уже полувековую историю «Геттингенские ученые ведомости», опыт участия в которых у Буле имелся. Основные материалы представляли собой критические разборы книг, статей или ученых выступлений, располагавшиеся по научным разделам. Большая их часть была написана самим Буле в одиночку. К сожалению, профессор не видел заметного отклика на свой труд. Число читателей было невелико, а главное, русские профессора оставались практически безучастными к изданию, хотя Буле неоднократно поднимал вопрос о назначении редактором газеты именно русского ученого. После смерти Муравьева в 1807 г., лишившись его поддержки, Буле вынужден был прекратить издание «Ученых ведомостей».

Итоги

Усилия Муравьева увенчались тем, что в 1803–1805 гг. преподавать в Москву из разных уголков Германии приехали одиннадцать ученых, среди которых были и настоящие знаменитости европейской величины. Пятеро геттингенцев (Г. Грелльман, И. Т. Буле, Г. Ф. Гофман, И. А. Иде, Ф. Рейсс) занимали в этой плеяде далеко не последние места.

Нам представляется, что в целом выбор попечителем иностранных профессоров для Московского университета нельзя назвать неудачным. Другое дело, насколько полно были реализованы их возможности, какой реальный вклад они внесли в университетскую науку. Судьбы немецких профессоров в России сложились по-разному. Не успев начать преподавание, умер Грелльман. Прослужив чуть больше года, скончался математик Иде, оставивший очень благоприятные впечатления от своего преподавания (еще в Геттингене частные уроки по рекомендации Буле у него брал Гусятников). Муравьев писал после смерти Иде:

Заслуги, которые имел покойный перед наукой и университетом, его неутомимое стремление приносить пользу, его во всех отношениях прекрасный характер делают эту потерю для всех его друзей и для меня особенно невыразимо горькой; и будет тяжело ее когда-нибудь восполнить (16, с. 29).

Для многих ученых, освоившихся в Москве, пик научной деятельности падает на 1805–1810 гг. Большой успех имеют их публичные лекции, которые посещают, в числе прочих, многие московские литераторы, светская публика. В Москве действуют образованные по примеру Геттингена университетские ученые общества, выходят научные статьи. На некоторое время наука и немецкие профессора «входят в моду». Богатые дворянские семьи спешат пригласить немецких ученых в качестве учителей. (Так, под руководством нашего знакомого Буле одновременно постигали основы наук Александр Грибоедов и Петр Чаадаев.) Но после смерти Муравьева

Георг Франц Гофман, профессор ботаники

публичные лекции постепенно прекращаются, журналы исчезают. Устойчивым покровительством пользуются лишь ученые-натуралисты, знатоки ботаники, садоводства — наук, относящихся к традиционным дворянским интересам. Так, например, граф А. К. Разумовский приглашает профессора Гофмана и еще нескольких ученых для работы в своем обширном саду в Горенках, где составляется как бы отдельное от университета «горенское» научное общество.

Поскольку немецкая наука вообще, и геттингенская в особенности, тесно зависела от государственной поддержки и меценатов, мы видим, что и в Москве ее представители теснее, чем прежние отечественные профессора, сближаются с дворянским обществом. Благодаря большому количеству учеников

немецкие ученые уже не так удалены от светской жизни, как их русские коллеги старшего поколения. Многие из них были вхожи в салоны московских литераторов (например, Буле впоследствии сблизится с кружком Карамзина). Пользуясь знакомством с немецкими учеными, аристократы приглашали их как специалистов для описания своих библиотек (каталог библиотеки А. К. Разумовского издает профессор Гейм). Нужно отметить и «благородное происхождение» некоторых профессоров (Рейсс, Буле), немало важное для восприятия их русским дворянством.

С другой стороны, маленькая корпорация немецких профессоров сохраняла свою замкнутость. Внутри ее оставались дружеские связи, родившиеся еще в Германии. Между собой дружили все геттингенцы — Буле, Гофман, Рейсс, Иде, Грелльман. Профессора Иде, Рейсс, а также философ Рейнгард из Кельна и австриец-хирург Керестури породнились семьями. Многих ученых объединяла любовь к музыке: так, например, дома у Гофмана часто устраивались концерты, звучали произведения Гайдна, Моцарта, Бетховена. Живя в Москве, геттингенские профессора не переставали переписываться с родным университетом: их постоянным корреспондентом был все тот же Кристоф Мейнерс.

Благодаря этим непре-
 кращающимся контактам
 между Москвой и Геттинген-
 геном сохранялась «об-
 ратная связь» — на учебу
 туда направлялись новые
 русские студенты. Не
 успели еще утихнуть в
 Геттингене воспомина-
 ния о первой большой об-
 разовательной поездке
 1802–1805 гг., как по на-
 стоянию попечителя Му-
 равьева туда уезжают
 сначала два университет-
 ских магистра Алексей
 Болдырев и Роман Тим-
 ковский. Затем к ним при-
 бавились еще несколько
 молодых людей, включая
 большую группу студен-
 тов Петербургского педа-
 гогического института, в
 которой были будущие ли-
 цейские учителя Пушкина
 Куницын, Карцев и Кай-
 данов. Время с 1807 по

Николай Иванович Тургенев

1812 г., когда в Геттингене учились 15 русских студентов, было для нас самым ярким по числу талантов и замечательных имен.

Начало этой поездки было сложным. В Германии недавно закончились боевые действия, и Болдырев с Тимковским с большим трудом, пешком по разоренной стране, добрались в Геттинген. В 1808 г. вместе с петербургскими студентами к ним присоединился брат Александра Тургенева Николай, будущий декабрист и друг Пушкина, а пока еще только выпускник Благородного пансиона при университете. Николай Тургенев учился в Геттинген-

не глубоко и вдумчиво, страстно увлекся политэкономией, написал собственный «Опыт теории налогов». Другой замечательный студент, ставший близким товарищем Тургенева, — А. И. Михайловский-Данилевский в 1812 г. будет адъютантом Кутузова, а впоследствии известным военным историком, автором одной из первых капитальных историй Отечественной войны.

Одновременно с Николаем Тургеневым в Геттингене учились еще два человека, которым суждено было создать облик «русского геттингенца» в глазах Пушкина, о чем мы говорили в начале статьи. Это были П. П. Каверин и А. П. Куницын, совсем разные, почти противоположные между собой характеры, в формировании которых, однако, участвовала немецкая ученая среда, передавшая им общее стремление к творчеству и свободе. У Каверина недожинный ум, обширные интересы и широкий круг чтения совершенно затмились внешним поведением гуляки-гусара, созданием собственной поэтической личности, которую и воспел Пушкин в лицейском послании [22, с. 32], хотя поэту было дорого в друге именно то,

...что дружно можно жить
с Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
что ум высокий можно скрыть
безумной шалости под легким покрывалом.

С другой стороны, Куницын, преподававший Пушкину естественное право, вложивший в него многие гражданские идеи эпохи Просвещения, был для юного поэта олицетворением свободного мыслителя, лучшим представителем того общественного типа, который сформировала в России немецкая наука.

Итак, период активного общения Московского и Геттингенского университетов в первые годы XIX в. с началом Отечественной войны подошел к концу, продлившись, таким образом, не более десяти лет. Новых русских студентов больше не направляли в знакомую обитель учености (за последующие полтора десятилетия их набралось не более пяти человек). Постепенно и в Москве исчезает поколение немецких профессоров, большая их часть не переступает рубеж 1812 г.: некоторые умирают, иные (как наш И. Т. Буле) возвращаются на родину. Прекраснодушной мечте «выучиться по-русски и написать историю Петра Великого», с которой многие отправлялись в Россию, так и не суждено было воплотиться.

И все же главная цель, ради которой тратили силы организаторы контактов — Гейм, Шлецер, Мейнерс, Муравьев, была достигнута: произошла первая подлинная встреча русского высшего образования с европейской наукой. Понимая всю меру преувеличения, которую допускают некоторые историки, говоря, что Московский университет в первом десятилетии XIX в. был «своего рода копией Геттингена» [23, с. 56], мы находим в этом суждении изрядную долю истины. Действительно, лучшие традиции западной научной мысли некоторое время жили в Москве, и сам этот факт имеет огромное значение для первого русского университета. С другой

стороны, Геттинген не только внес вклад в образование четырех будущих русских профессоров (Воинова, Двигубского, Болдырева и Тимковско-го), — он заразил посещавших его молодых людей атмосферой научного творчества (и, как следствие, свободомыслия), которая постепенно органично войдет в русскую культуру пушкинской поры. Процесс ее усвоения прошел так же быстро, как легко забылись и его зачинатели: это позволило позже Герцену, как мы помним, вволю смеяться над пережившим свое время Рейссом или над собственным дядей-«химиком», ставившим нескончаемые научные опыты, которыми он увлекся с университетских времен. Но насмешки оказались возможны лишь благодаря подлинным достижениям русской университетской науки первой половины XIX в. А их появлением мы во многом обязаны существованию у Московского университета «геттингенской души».

Литература

1. Тарасов Е. И. Русские «геттингенцы» первой четверти XVIII века и влияние их на развитие либерализма в России // *Голос минувшего*. 1914. № 7.
2. Зорин А. Л. У истоков русского германофильства (Андрей Тургенев и Дружеское литературное общество) // *Новые безделки*. М., 1996. С. 7–35.
3. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991.
4. Андреев А. Ю. Профессора Московского университета в XVIII веке // *Университет для России*. М., 1997. С. 174–219.
5. Герцен А. И. Былое и думы. М., 1969.
6. Петров Ф. А. Немцы профессора в Московском университете. М., 1997.
7. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Т. 2. М., 1855.
8. Истрин В. М. Русские студенты в Геттингене в 1802–04 гг. (по материалам архива братьев Тургеневых) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1910. № 7. С. 80–144.
9. Лотман Ю. М. А. С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Вып. 63. Тарту, 1958
10. Lauer R. An. S. Kaisarov in Göttingen. Zu den russischen Beziehungen der Universität Göttingen am Anfang des 19. Jahrhunderts // *Göttunger Jahrbuch*, 1973. S. 131–149.
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 406. К. 1. Ед. хр. 3.
12. Паульсен Ф. Германские университеты. СПб., 1904.
13. Тургенев А. И. Письма и дневник геттингенского периода (1802–1804) // *Архив братьев Тургеневых*. Вып. 2. СПб., 1911.
14. ОР РГБ. Ф. 406. К. 2. Ед. хр. 1.
15. A. L. v. Schlözers *Öffentliches und Privatleben*. Bd. 2. S. 205. Leipzig, 1828.
16. Stieda W. *Deutsche Gelehrte als Professoren an der Universität Moskau*. Leipzig, 1930.
17. Meiners Ch. *Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten*, Göttingen, 1801.
18. *Göttingische Gelehrte Anzeigen*, 1804.
19. *Вестник Европы*. 1803. № 23–24.
20. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Т. 1. М., 1855.
21. ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 5.
22. Пушкин А. С. *Собр. соч.* в 10 т. Т. 1. М., 1974.
23. Wischnitzer M. *Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Rußland im ersten Viertel des 19. Jh.* Berlin, 1907.